La Biblioteca Ambrosiana: il *Codice* di Leonardo, ma non solo. Una biblioteca, Pinacoteca e Accademia per chiunque ami la Bellezza, sia in ricerca della Verità, e sia animato da una volontà buona	Амвро́зианская Библиоте́ка: ко́декс Леона́рдо да Винчи и не то́лько. Библиоте́ка, пинакоте́ка и акаде́мия для люде́й, лю́бящих красоту́, и́щущих И́стину и име́ющих до́брые наме́рения
Introduzione	**Введение**
Collocata nel cuore della città di Milano, nel nord dell'Italia, e ricca di una storia di più di quattro secoli, si trova l'*Ambrosiana*: una biblioteca, una pinacoteca, un'Accademia. Benché antico quanto alla storia, l'intento del nostro Fondatore è da noi riconosciuto non solo come la nostra più vera ragion d'essere, ma anche come una eredità dal valore incalcolabile e un tesoro che può generare una speranza nuova anche nell'oggi, attraverso concreti progetti che costituiscono un punto di partenza proiettato verso il futuro.	На се́вере Ита́лии, в са́мом се́рдце Мила́на нахо́дится на́ша Амброзиана, ме́сто с четырехсотле́тней исто́рией, объедини́вшее в себе́ библиоте́ку, пинакоте́ку и акаде́мию. Наме́рение, с кото́рым наш основа́тель открыва́л Амброзиану, несмотря́ на свою́ до́лгую исто́рию, остаётся для нас основно́й це́лью и причи́ной существова́ния. Кро́ме того́ э́то на́ше насле́дство и бесце́нное сокро́вище, спосо́бное подари́ть лю́дям но́вую наде́жду уже́ сего́дня, благодаря́ мно́гим прое́ктам, кото́рые слу́жат основа́нием для на́шей бу́дущей де́ятельности.
Le origini	**Происхождение**
Le origini dell'Ambrosiana si possono far risalire alla giovinezza del nobile Federico Borromeo (nato a Milano nel 1564 e morto sempre a Milano nel 1631), che tra il 1586 e il 1601 passò quindici anni a Roma, essendo destinato alla carriera ecclesiastica. Egli fu, infatti, creato cardinale dal Papa Sisto V dopo solo un anno dal suo trasferimento a Roma, nel 1587, quando aveva appena 23 anni. Durante il soggiorno romano egli si mostrò ben presto poco incline al vuoto e alle manovre e intrighi che caratterizzavano la vita di corte. Preferì dedicarsi, seguendo le sue proprie inclinazioni, alla conoscenza e alla frequentazione delle ricche collezioni d'arte e biblioteche possedute dai quei suoi confratelli Cardinali, che erano più in sintonia con l'arte e la cultura. Così ebbe la possibilità di co-	Амброзиана нача́ла зарожда́ться в ю́ные го́ды дворяни́на Федерико Борромео (роди́вшегося в Мила́не в 1564-ом году и уме́ршего в 1631-ом году). Избра́в в ка́честве жи́зненного пути́ церко́вную карье́ру, с 1586 он прожи́л 15 лет в Ри́ме (по 1601). Всего́ че́рез год по́сле пере́езда в Рим, в во́зрасте 23 лет, он был и́збран кардина́лом па́пой Сикстом V. Во вре́мя своего́ пребыва́ния в Ри́ме о́чень бы́стро Федерико показа́л, что не скло́нен к пустоте́ и интри́гам, характе́рным для придво́рной жи́зни. Сле́дуя свои́м накло́нностям, он предпочёл заня́ться изуче́нием бога́тых колле́кций произведе́ний иску́сства и библиоте́к, принадлежа́щих не́которым его́ собратьям кардина́лам, кото́рые бы́ли бли́зки к иску́сству и культу́ре. Так у него́

noscere e apprezzare i più importanti pittori del tempo (Caravaggio, Paul Bril e Jan Brueghel), di coltivare la passione per le antichità classiche e cristiane, di frequentare i più eruditi filologi e di stabilire una ricca rete di relazioni a livello internazionale, ponendo in tal modo solide basi per il progetto che avrebbe presto iniziato a perseguire. Ebbe anche la possibilità di conoscere e frequentare alcune tra le più importanti biblioteche già esistenti o appena fondate a Roma alla fine del XVI secolo, così da scambiare idee ed esperienze persino nel campo della biblioteconomia e della conservazione dei libri e dei manoscritti con eruditi di differenti nazioni come, per esempio, il belga Justus Lipsius (1547-1606) e il cardinale Angelo Rocca.	появи́лась возмо́жность узна́ть и оцени́ть са́мых выдаю́щихся худо́жников того́ вре́мени (Караваджо, Па́уля Бриля и Я́на Брейгеля), разви́ть в себе́ горя́чий интере́с к анти́чным и христиа́нским дре́вностям, познако́миться с са́мыми эруди́рованными фило́логами того́ вре́мени и установи́ть широ́кие свя́зи на междунаро́дном у́ровне, закла́дывая, таки́м о́бразом, про́чную осно́ву для прое́кта, кото́рый он вско́ре на́чал реализо́вывать. Он та́кже посеща́л наибо́лее зна́чимые ри́мские библиоте́ки конца́ XVI ве́ка, что помогло́ ему́ набра́ться о́пыта и зна́ний в о́бласти библиотековеде́ния, хране́ния книг и манускри́птов у учёных ра́зных национа́льностей, таки́х как, наприме́р, бельги́ец Юст Липсий (1547-1606) и кардина́л А́нджело Рокка.
Il desiderio di Federico, concepito mentre a Roma accresceva e consolidava il suo amore per le manifestazioni della verità, del bene e del bello, era “fare di Milano una seconda Roma”, con lo scopo di creare per il “commun benefitio” e per “la Gloria di Dio” un luogo in cui sarebbe stato possibile per i Milanesi – tanto laici quanto chierici – istruirsi nelle lettere e nelle arti e allargare i proprio orizzonti aprendosi alla conoscenza delle altre lingue e culture. Questo intento era concepito da Federico come parte del proprio impegno pastorale in qualità di Arcivescovo: durante il suo soggiorno romano, sotto la guida attenta di San Filippo Neri quale suo padre spirituale, il giovane presule decise finalmente di mettere a servizio della Chiesa e di Dio la propria naturale inclinazione per gli studi e l’erudizione.	В Ри́ме любо́вь Федерико к проявле́ниям и́стины, добра́ и красоты́ росла́ и укрепля́лась, и у него́ возни́кло жела́ние «сде́лать из Мила́на второ́й Рим», созда́в «во сла́ву Божию» ме́сто для «о́бщей по́льзы», в кото́ром миланцы – как миря́не, так и священнослужи́тели – могли́ бы обуча́ться литерату́ре и иску́сству и расширя́ть свои́ позна́ния, изуча́я други́е языки́ и культу́ры. Э́то наме́рение Федерико бы́ло ча́стью его́ па́сторского де́ла в ка́честве архиепи́скопа. Во вре́мя прожива́ния в Ри́ме под руково́дством своего́ духо́вного наста́вника Свято́го Филиппо Нери, молодо́й прела́т чу́вствовал своё призва́ние в том, что́бы послужи́ть Це́ркви свои́м приро́дным да́ром к иссле́дованиям и образова́нию.
In effetti, al suo definitivo ritorno a Milano, egli pose la prima pietra della “sua” biblioteca, che fu aperta al pubblico nel 1609. Negli anni tra il 1613 e il 1620 gli riuscì inoltre di rendere operative la pinacoteca e l’Accademia del Disegno.	По́сле оконча́тельного возвраще́ния в Мила́н он заложи́л пе́рвый ка́мень «свое́й» библиоте́ки, кото́рая была́ откры́та для пу́блики в 1609. Кро́ме э́того в пери́од с 1613 по 1620 ему́ удало́сь привести́ в рабо́чее состоя́ние и откры́ть пинакоте́ку и Акаде́мию рису́нка.
“Biblioteca Ambrosiana”: perché questo nome?	**«Библиотека Амброзиана»: почему именно это название?**
A differenza del suo “collega”, il Cardinale Angelo Rocca, che nel 1604 aveva fondato una biblioteca a Roma, dandole in proprio onore il nome di “Biblio-	В отли́чие от своего́ «колле́ги», Кардина́ла А́нджело Рокка, кото́рый в 1604 основа́л библиоте́ку в Ри́ме, назва́в её в честь себя́ «Библиоте́ка Анже-

teca Angelica", Federico decise di chiamare la propria biblioteca "Ambrosiana", in onore di S. Ambrogio, Padre e Patrono della chiesa di Milano, che infatti, a partire dal proprio patrono, si definisce "Chiesa ambrosiana". Questa scelta onomastica fu spiegata da Federico stesso nell'omelia tenuta nel Duomo di Milano il 7 dicembre 1609, festa di Sant'Ambrogio e vigilia dell'apertura della Biblioteca Ambrosiana che ebbe luogo l'8 dicembre 1609. Paragonando la vita di S. Agostino a quella di S. Ambrogio, Federico disse:	ли́ка», Федерико реши́л назва́ть свою́ библиоте́ку «Амброзиана», в честь Свято́го Амвросия, отца́ и покрови́теля Миланской це́ркви, кото́рая поэ́тому и называется «Амвросианской це́рковью». Вы́бор э́того и́мени Федерико объясни́л на про́поведи, проведённой в Миланском собо́ре 7 декабря́ 1609-го года, на пра́зднике Свято́го Амвросия и накану́не откры́тия Библиоте́ки Амброзианы, кото́рое произошло́ 8 декабря́ 1609. Сопоставля́я жизнь Блаже́нного Августи́на и Свято́го Амвросия, Федерико сказа́л:
Agostino, come si racconta, venne per certi gradi crescendo nelle virtù, le quali in lui hor furono fanciulle ed acerbe, ed hor'adulte, e mature... e per tal modo quella misera navicella del suo animo erra nelle onde; e quando da' piaceri, e quando dalla ragione, in varie parti vien portata (cf. Agostino, Confessioni 3,3.4; 1,1.2; 4,3; 5,3; 6,1; 5,12.15).	Августи́н, как расска́зывают, постепе́нно разви-ва́л свои́ доброде́тели, кото́рые иногда́ вы́глядели в нём де́тскими и незре́лыми, а в друго́й раз взро́слыми и зре́лыми... таки́м о́бразом несча́стная ло́дочка его́ души́ блужда́ла в волна́х, дви́гаясь в разли́чных направле́ниях, влекомая иногда́ удово́льствиями и иногда́ умо́м.
Ma di Ambrosio, che dir possiamo? Egli non fu mai non a se medesimo simigliante. Giusto, prudente, magnanimo, grave, e severo fu sempre ne' civili magistrati; e le medesime virtù, quelle havendo poi rendute più perfette, nell'ecclesiastico stato trasportò; e per recar in una le parole tutte, egli fu sempre Ambrosio…	Но что мы мо́жем сказа́ть про Амвросия? Он всегда́ был после́довательным. Всё вре́мя был то́чным, осмотри́тельным, великоду́шным, серьёзным и стро́гим в свои́х граждáнских обя́занностях; и когда́ стал свяще́нником и епи́скопом, проявля́л те же доброде́тели, выража́я их ещё совершéннее; в о́бщем, е́сли мы хоти́м сказа́ть э́то одни́м сло́вом: он всегда́ был Амвросием…
Qui è Ambrosio: qui è la sapienza di lui, e nelle opere, e nelle parole: qui egli è grande dal dì, che nacque. Hor come, ed a cui sarà conceduto di poterlo imitare? A noi piccoli, a noi miseri, a noi peccatori? ... pensi almen ciascuno di voi, lasciando da parte le opere maggiori, d'imitarlo nel fuggirsi dal peccato, che altro non è, che una solenne ignoranza… E non è forse l'avaritia una somma ignoranza? E la superbia non procede ella forse da non sapere?	Э́то Амвросий, э́то его́ му́дрость в дела́х и на слова́х: в э́том он был вели́ким со дня своего́ рожде́ния. Поэ́тому, как и кому́ бу́дет позво́лено подража́ть ему́? Нам, ничто́жным, нам, жа́лким, нам, гре́шникам?... Пуска́й ка́ждый из вас поду́мает, оста́вив в стороне́ са́мые вели́кие его́ дела́, о том, что́бы подража́ть ему́, избега́я греха́, кото́рый есть не что ино́е, как исключи́тельное неве́жество… И ра́зве не жа́дность высоча́йшее неве́жество? И гордыня не вытека́ет ра́зве из незна́ния?
Questi adunque fieno hora i vostri studi, o miei carissimi: queste sieno le vostre utilissime scienze; e cioè di sapere schifare le colpe, le quali mai non sono senza mancamento di senno.	Так что э́то ва́ши иссле́дования, мои́ дороги́е; э́то ва́ши са́мые поле́зные зна́ния: как избежа́ть грехо́в, кото́рые всегда́ явля́ются результа́том недоста́тка знания и благоразу́мия.
Ma ecco, che io al presente antiveggo, che una più alta imitatione della sapienza di Ambrosio con nostra non piccola utilità seguir ne debba, o Milano.	Но вот, сего́дня я предви́жу, о Мила́н, что в на́ших интере́сах мы должны́ прояви́ть бо́лее высо́кое подража́ние му́дрости Амвросия: лежи́т по-

Giace quasi nel centro di questa città un tesoro infino ad hora nascosto, che forse nel seguente giorno discoprirassi, e che arricchir può quegl'ingegni, i quali amano d'imitare quegli studi, che ad Ambrosio furono già sì cari.	чти́ в це́нтре э́того го́рода сокро́вище, пока́ спря́танное, кото́рое за́втра поя́вится на свет, и кото́рое мо́жет обогати́ть те умы́, кото́рые хотя́т подража́ть иссле́дованиям, люби́мым Амвросием.
Chiamando la sua Biblioteca "Ambrosiana", Federico voleva che fosse un luogo nel quale le virtù tradizionalmente attribuite al Santo patrono di Milano potessero venire coltivate, nel desiderio che la sua creatura di nuova fondazione fosse immediatamente percepita dalla comunità dei Milanesi come parte di quell'eredità ambrosiana che essi si sentivano così impegnati a difendere e sostenere.	Называ́я свою́ библиоте́ку «Амброзиана», Федерико хоте́л, что́бы она́ ста́ла ме́стом, в кото́ром могли́ культиви́роваться те добродете́ли, кото́рыми облада́л свято́й покрови́тель Мила́на, и жела́л, что́бы со́зданное им но́вое учрежде́ние бы́ло сра́зу же воспри́нято миланской обще́ной как часть того́ миланского насле́дия, кото́рое они́ чу́вствовали себя́ обя́занными охраня́ть и подде́рживать.
Ambrogio (ca. 340 – 397) ricopriva la carica di *consularis* (governatore) di Milano riscuotendo la stima generale dal 370 circa, e venne scelto come vescovo della città nel 374, dopo la morte del vescovo Aussenzio, ariano, collocato sulla cattedra di Milano dall'imperatore Costanzo, già fiero sostenitore dell'arianesimo.	Амвросий, (приме́рно 340 – 397) занима́л до́лжность консуля́ра (губерна́тора) Мила́на приме́рно с 370 года и завоева́л всео́бщее уваже́ние. Он был и́збран епи́скопом го́рода в 374, по́сле сме́рти епи́скопа Авсентия, арианина, поса́женного на миланский прест о́л импера́тором Константцием, уже́ я́рым приве́рженцем ариа́нства.
Ci vollero alcune settimane prima che Ambrogio, che era ancora catecumeno, accettasse una elezione che cambiava completamente i suoi progetti di vita. Quando finalmente accettò, tuttavia, senza alcun rimpianto si dedicò totalmente alla Chiesa, servendola per 23 anni, fino alla morte, come Vescovo di Milano, una città che all'epoca era anche residenza imperiale, e quindi incaricato anche dei rapporti con gli imperatori per conto di tutte le Chiese.	Пона́добилось не́сколько неде́ль для того́, что́бы Амвросий, кото́рый всё ещё был оглашённым, соверши́л вы́бор, кото́рый по́лностью поменя́л его́ жи́зненные пла́ны. Когда́ он, наконе́ц, согласи́лся, то без сожале́ния по́лностью отда́лся Це́ркви, служа́ ей 23 года, до са́мой сме́рти, как Епи́скоп Мила́на, го́рода, кото́рый в ту эпо́ху был та́кже импе́рской резиде́нцией, и, сле́довательно, Амвросий был отве́тственным за отноше́ния с импера́торами от и́мени всей Це́ркви.
Come testimonia lo stesso S. Agostino nelle sue *Confessiones*, Ambrogio era continuamente circondato e quasi "assediato" da ogni tipo di persone: poveri, mendicanti, peccatori, cortigiani, diaconi e sacerdoti. Non solo tutte queste persone ricevevano una risposta, ma Ambrogio trovava il tempo – spesso durante la notte – di studiare e imparare l'esegesi biblica e la dottrina dei più importanti teologi e filosofi dell'epoca, dai Padri ai Neoplatonici.	Как свиде́тельствует тот же Блаже́нный Августи́н в свое́й «И́споведи», Амвросий постоя́нно был окружён и почти́ «осаждён» соверше́нно ра́зными людьми́: бе́дными, ни́щими, гре́шниками, придво́рными, диа́конами и свяще́нниками. Амвросий не то́лько принима́л их и отвеча́л всем э́тим лю́дям, но и, находи́л вре́мя (ча́сто по ночам́) для изуче́ния библе́йской экзеге́тики и доктри́н са́мых значи́тельных тео́логов и фило́софов свое́й эпо́хи, от Отцо́в Це́ркви до Неоплато́ников.
In qualità di ex funzionario di alto rango, membro di una famiglia appartenente alla nobiltà senatoria,	Как бы́вший высокопоста́вленный чино́вник и член семьи́ из сена́торской зна́ти, Амвросий

Ambrogio seppe caratterizzare il suo ministero ecclesiastico riversando in esso – come già notava Federico Borromeo – le migliori “virtù civiche” che aveva imparato: impegno, dedizione, ordine, accuratezza, onestà ma anche coscienza di sé e coraggio morale: queste qualità lo aiutarono a contrastare le pretese di un potere assoluto portate avanti dagli imperatori e dai loro cortigiani, contribuendo così a costruire praticamente e delineare teoreticamente l’indipendenza della Chiesa dal potere politico.	характеризовал его́ церко́вная до́лжность развивая в нём – как уже́ замеча́л Федерико Борромео – лу́чшие «гражда́нские доброде́тели», кото́рые он усво́ил: усе́рдие, самоотве́рженность, дисципли́ну, аккура́тность, че́стность, а та́кже самосозна́ние и си́лу ду́ха: э́ти ка́чества помога́ли ему́ боро́ться со стремле́нием импера́торов и их придво́рных к абсолю́тной вла́сти, спосо́бствуя, таки́м о́бразом, практи́чески и теорети́чески независи́мости Це́ркви от полити́ческой вла́сти.
Una personalità così ricca ha lasciato, come possiamo immaginare, un’impronta fortemente distintiva nella Chiesa di Milano, che, pur esistendo da prima di Ambrogio, vede in lui il proprio fondatore. Nei secoli la Chiesa Ambrosiana – rimanendo sempre in comunione con la Chiesa di Roma e considerandosi costantemente parte della Chiesa Cattolica – ha sempre difeso la sua particolarità, consistente in un rito liturgico e in un calendario dei Santi propri, nell’attitudine ad essere luogo di incontro tra le tradizioni orientale e occidentale, in una strenua difesa dell’indipendenza della Chiesa dal potere civile e statale, in una formazione del Clero che ha sempre visto i sacerdoti capaci di condividere la vita del popolo.	Така́я бога́тая ли́чность без сомне́ния значи́тельно повлия́ла на Миланскую Це́рковь, кото́рая, хотя́ и существова́ла до Амвросия, всё же объяви́ла и́менно его́ свои́м основа́телем. На протяже́нии столе́тий Миланская Це́рковь всегда́ была́ в общи́нии с Ри́мом и неизме́нно счита́лась ча́стью Католи́ческой Це́ркви, но несмотря́ на э́то, она́ отстоя́ла своё своеобра́зие. Оно́ заключа́лось в со́бственном литурги́ческом обря́де и календаре́ святы́х, в стремле́нии стать ме́стом встре́чи восто́чных и за́падных тради́ций, в хра́брой защи́те независи́мости Це́ркви от граждáнской и госуда́рственной вла́сти и в воспита́нии духове́нства спосо́бного разделя́ть тя́готы жи́зни наро́да.
Tutto questo insieme di eredità e di comprensione della propria storia era incluso nella decisione del Cardinale Federico Borromeo di chiamare la sua biblioteca “Ambrosiana” e di donare alla città di Milano una biblioteca e una Pinacoteca, dedicate “alla publica utilità, et al servitio di Dio”. Oltre alla Biblioteca, istituì un’Accademia di Belle Arti con lo scopo di educare giovani artisti non solo dal punto di vista tecnico, ma soprattutto nella capacità di produrre opere d’arte pienamente consonanti con la fede cristiana. Dagli inizi, una ‘Congregazione dei Conservatori’ (Consiglio di Amministrazione) incaricata di provvedere finanziariamente alle attività dell’Ambrosiana, fu affiancata al Collegio dei Dottori (Comitato scientifico-culturale) che costituisce il vero “cuore pulsante” dell’Ambrosiana: un gruppo di sacerdoti che siano nello stesso tempo studiosi e ricercatori, consacrati al servizio dei visitatori e alla direzione culturale dell’Istituzione voluta da Federi-	Осозна́ние этого бога́того истори́ческого и культу́рного насле́дия повлия́ло на реше́ние Кардина́ла Федерико Борромео назва́ть свою́ библиоте́ку «Амброзиана» и подари́ть её Мила́ну вме́сте с пинакоте́кой как ме́сто, посвящённое «обще́ственной по́льзе и слу́жбе Бо́гу». Кро́ме библиоте́ки, он основа́л Акаде́мию изобрази́тельных иску́сств, что́бы не то́лько помога́ть молоды́м худо́жникам развива́ться с техни́ческой то́чки зре́ния, но и что́бы направля́ть их спосо́бности для созда́ния ь произведе́ний иску́сства созву́чных христиа́нской ве́ре. С са́мого нача́ла «Собра́ние Храни́телей» (Сове́т директоро́в), уполномо́ченное материа́льно обеспе́чивать акти́вность Амброзианы, бы́ло присоединено́ к Колле́гии докторо́в (нау́чно-культу́рному комите́ту), кото́рый действи́тельно явля́ется «пульси́рующим се́рдцем» Амброзианы: э́то гру́ппа свяще́нников, в то же вре́мя учёные и иссле́дователи, посвяти́вшие себя́

co Borromeo.	по́мощи посети́телям и культу́рному разви́тию учрежде́ния Федерико Борромео.
L'intento educativo-culturale che muoveva il Cardinal Federico, infatti, doveva essere perseguito non solo attraverso la biblioteca e la Pinacoteca, ma anche – e soprattutto – attraverso la costituzione del "Collegio dei Dottori". Questo Collegio fu fondato nel 1607, poche settimane dopo la conclusione della costruzione dell'edificio della Biblioteca, e due anni prima della sua apertura al pubblico. Quando parliamo di "apertura al pubblico", intendiamo questa espressione nel suo vero significato: infatti, l'Ambrosiana davvero aprì le sue porte a chiunque, diventando una delle prime biblioteche in Europa, nella quale potevano entrare non solo ecclesiastici e monaci, nobili e studenti universitari (come alla Bodleian Library di Oxford), ma persone di ogni censo, classe sociale e nazionalità che desiderassero studiare i libri presenti: l'unico requisito, infatti, era saper leggere.	Цель, к кото́рой дви́гался Кардина́л Федерико, должна́ была́ быть дости́гнута не то́лько посре́дством библиоте́ки и пинакоте́ки, но, в осо́бенности, посре́дством учрежде́ния «Колле́гии докторо́в». Э́та Колле́гия была́ осно́ван в 1607, че́рез не́сколько неде́ль по́сле заверше́ния строи́тельства зда́ния библиоте́ки и за два го́да до её откры́тия для пу́блики. Когда́ мы говори́м об «откры́тии для пу́блики», мы име́ем в виду́ по́длинное значе́ние э́того выраже́ния: де́ло в том, что Амброзиана действи́тельно открыва́ла свои́ две́ри для ка́ждого, став одно́й из пе́рвых библиоте́к в Евро́пе, в кото́рую могли́ входи́ть не то́лько духо́вные ли́ца и мона́хи, дворя́не и студе́нты университе́та (как в Бодлианскую библиоте́ку в Оксфорде), но лю́ди с люб ым дохо́дом, любо́го социа́льного кла́сса и национа́льности, кото́рые хоте́ли изуча́ть име́ющиеся кни́ги. Еди́нственным тре́бованием, по фа́кту, бы́ло уме́ние чита́ть.
Aperta a tutti, la libreria fu fondata con una forte vocazione (che tutt'ora mantiene) non solo a perseguire l'alta divulgazione culturale e l'educazione popolare, ma anche a diventare un luogo dove si praticasse il più alto livello di ricerca per studiosi e ricercatori. I Dottori ebbero un ruolo di primaria importanza nel preparare e allestire la libreria secondo i dettami di Federico e aderendo alle regole che egli aveva dato per la conduzione del lavoro di ricerca. Il vescovo, infatti, nell'opera *Salomon, sive opus regium* (edizione latina Milano 1617; redazione italiana nel manoscritto ambrosiano G 309 inf., n° 4) aveva elaborato un vero e proprio modello culturale per l'attività dei suoi Dottori e degli studiosi in genere, diviso in quattro punti.	Библиоте́ка до сих пор остаётся верна́ свое́й изна́чальной це́ли: откры́тая для всех, она́ не то́лько спосо́бствует ро́сту культу́ры и образова́нию населе́ния, но и стано́вится ме́стом для проведе́ния нау́чных иссле́дований на са́мом высо́ком у́ровне. Доктора́ игра́ли важне́йшую роль в подгото́вке и оснащ е́нии библиоте́ки, приде́рживаясь предписа́ний Федерико и соглаша́ясь с пра́вилами, кото́рые он установи́л для проведе́ния иссле́довательских рабо́т. Так сам Федерико в своём труде́ Salomon, sive opus regium (лати́нское изда́ние, Миláн, 1617; италья́нская реда́кция в миланской ру́кописи G 309 inf., n° 4) разрабо́тал са́мую настоя́щую культу́рную моде́ль для устро́йства своего́ библиоте́ки и для рабо́ты свои́х докторо́в и учёных, разделённую на четы́ре ча́сти.
- Il primo passo nella ricerca, secondo Federico, consisteva nella conoscenza e nella raccolta della maggior quantità possibile di materiali e informazioni già disponibili in virtù delle ricerche di altri studiosi, nella ferma convinzione che lo studio della	- Пе́рвым ша́гом в иссле́дованиях, согла́сно Федерико, убеждённого, что изуче́ние тради́ции форми́рует осно́ву для разви́тия цивилиза́ции, должно́ бы́ло быть ознакомле́ние и собра́ние макси-ма́льно возмо́жного коли́чества уже́ име́ющихся

tradizione forma le basi per il progresso della civiltà. Per questo motivo era necessario porre la massima cura possibile nella ricerca di manoscritti e libri.	материа́лов и информа́ции благодаря́ иссле́дованиям други́х учёных. По э́той причи́не бы́ло необходи́мо приложи́ть максима́льно возмо́жное усе́рдие в иссле́довании манускри́птов и книг.
- In secondo luogo era necessario passare al vaglio del giudizio critico il materiale raccolto e studiato. Questo significa che nel campo delle scienze umanistiche lo studioso deve conoscere le regole e i principi della critica testuale, al fine di poter verificare se le affermazioni che trova nei libri realmente appartengono all'autore e se riportano fedelmente ciò che l'autore voleva esprimere. Per questo, la conoscenza delle lingue straniere, esotiche ed antiche – necessarie per la lettura dei testi originali – era ritenuta assai utile.	- Во-вторы́х, бы́ло необходи́мо крити́чески рассмотре́ть и прове́рить к со́бранные и изу́ченные материа́лы. Э́то подразумева́ло что учёный, зна́я пра́вила и при́нципы кри́тики те́кстов в о́бласти гуманита́рных нау́к, до́лжен был быть спосо́бным прове́рить, действи́тельно ли утвержде́ния, находя́щиеся в кни́гах, напи́саны так, как а́втор хоте́л их вы́разить. Поэ́тому зна́ние иностра́нных языко́в, экзоти́ческих и дре́вних, необходи́мых для чте́ния оригина́льных те́кстов, счита́лось о́чень поле́зным.
- In terzo luogo, Federico chiedeva agli studiosi di proseguire l'analisi dei testi e dei problemi, così da aggiungere "nuove riflessioni, speculazioni e considerazioni" a quanto era già noto. Federico chiedeva ai Dottori di dedicarsi alla compilazione di dizionari di lingue antiche o poco conosciute, alle traduzioni bibliche, ad opere di diritto canonico, patristica, liturgia, storia, architettura, teologia spirituale, filosofia, religione e poesia, con lo scopo di sostenere – mentre contemporaneamente se ne mostrava il valore storico e scientifico – la dottrina cattolica.	- В-тре́тьих, Федерико проси́л учёных продолжа́ть ана́лизы те́кстов и поднима́емых в них пробле́м, что́бы таки́м о́бразом доба́вить «но́вые размышле́ния, умозре́ния и соображе́ния» к уже́ запи́санным. Федерико попроси́л докторо́в посвяти́ть себя́ составле́нию словаре́й дре́вних и́ли малоизве́стных языко́в, библе́йским перево́дам, произведе́ниям канони́ческого пра́ва, патри́стике, литурги́и, исто́рии, архитекту́ре, духо́вной теоло́гии, филосо́фии, рели́гии и поэ́зии, с це́лью подде́рживать католи́ческую доктри́ну, и в то же вре́мя, что́бы показа́ть её истори́ческую и нау́чную це́нность.
- Il quarto passo introduceva il momento chiave dello studio, capace di misurare l'effettivo valore della ricerca e nello stesso tempo mostra quanto il Cardinale fosse in sintonia con i principali pensatori del Suo tempo (Bacon, Galileo e Descartes): era infatti ritenuto necessario che il ricercatore si dotasse di precisione, sottigliezza, distinzione, chiarità ed umiltà. Oltre a ciò, il valore dei ricercatori doveva emergere attraverso questi tratti "virtuosi" del loro metodo di lavoro e della loro attitudine personale:	Четвёртый шаг представля́ет собо́й ключево́й моме́нт иссле́дования, спосо́бный изме́рить настоя́щую его́ це́нность, и в то же вре́мя пока́зывает, наско́лько кардина́л был в гармо́нии с гла́вными мысли́телями своего́ вре́мени (Бэконом, Галилеем и Декартом). От иссле́дователя тре́бовались сле́дующие ка́чества: то́чность, острота́, то́нкость и я́сность ума́ и смире́нность. Кро́ме того́, це́нность иссле́дователей проявля́лась посре́дством сле́дующих «добродете́льных ка́честв» в их ме́тоде рабо́ты и ли́чном отноше́нии:
- la volontà di diffondere il risultato dei loro studi, per sottoporli al giudizio della comunità scientifica, sia attraverso le pubblicazioni (i Dottori erano tenuti	- жела́ние распространи́ть результа́ты иссле́дований, что́бы предста́вить их на рассмотре́ние нау́чного со́общества как посре́дством печа́тных тру-

a pubblicare un saggio ogni tre anni) sia frequentando la comunità scientifica internazionale tanto con viaggi, quanto favorendo gli inviti in Ambrosiana;	до́в (доктора́ должны́ бы́ли публикова́ть одну́ рабо́ту ка́ждые три го́да), так и посеща́я нау́чное со-о́бщество, и приглаша́я иссле́дователей в Амброзиану;
- la pratica assidua del confronto e della collegialità, che si esprimeva negli incontri settimanali, nei quali ciascuno avrebbe rendicontato circa la situazione delle proprie ricerche, per ricevere critiche e osservazioni;	- стремле́ние к регуля́рным встре́чам и совме́стной рабо́те чле́нов Колле́гии. Еженеде́льно собира́лись собра́ния, на кото́рых ка́ждый мог сообщи́ть о хо́де рабо́ты со́бственного иссле́дования, что́бы получи́ть кри́тику и замеча́ния;
- la corrispondenza epistolare, utile per mantenere un clima di collaborazione e per favorire l'instaurarsi di una comunità di sapienti a livello europeo, capaci di superare le barriere tradizionali di tipo nazionale, linguistico, confessionale.	- стремле́ние к регуля́рной перепи́ске, что бы́ло поле́зно для атмосфе́ры сотру́дничества и спосо́бствовало учрежде́нию соо́бщества учёных на европе́йском у́ровне, спосо́бных преодоле́ть традицио́нные, национа́льные, лингвисти́ческие и религио́зные барье́ры.
Il primo dei punti sopra menzionati ci mostra il concetto-base che avrebbe regolato la ricerca, acquisizione e raccolta di manoscritti e libri: raccogliere tutti i testi disponibili connessi alle diverse materie che si sarebbero dovute studiare in Ambrosiana, con un interesse particolare per testi rari e per quei manoscritti che avrebbero potuto colmare una lacuna nella tradizione testuale di autori Latini e Greci. Questo risultato si sarebbe potuto ottenere anche utilizzando le antiche tradizioni delle loro opere in lingue orientali o africane (arabo, siriaco, copto, etiopico…): esse tuttavia, avrebbero richiesto un'attenzione particolare e lo studio assiduo delle antiche lingue.	Пе́рвый из вышеупомя́нутых пу́нктов пока́зывает нам основну́ю иде́ю, кото́рая направля́ла ход рабо́ты в иссле́довании, приобрете́нии и коллекциони́ровании манускри́птов и книг: бы́ло необходи́мо собра́ть все досту́пные те́ксты по разли́чным дисципли́нам, кото́рые должны́ бы́ли изуча́ться в Амброзиане, в осо́бенности ре́дкие те́ксты и те манускри́пты, кото́рые могли́ воспо́лнить проби́л в изуче́нии пи́сьменной тради́ции лати́нских и гре́ческих а́второв. Э́того мо́жно бы́ло дости́чь, испо́льзуя дре́вние переводы этих текстов на восто́чных и́ли африка́нских языках (ара́бском, сири́йском, ко́птском, эфио́пском), кото́рые тре́бовали осо́бого внима́тельного и усе́рдного изуче́ния.
Quanto abbiamo detto mostra chiaramente che egli aveva nella sua mente ben più che la semplice costruzione di una biblioteca/pinacoteca. Il cardinale Borromeo pensava all'Ambrosiana come a un ***progetto culturale integrato***, organizzato attorno al principio-guida secondo cui è necessario non solo conservare ed esporre alla fruizione del pubblico manoscritti, libri, quadri, statue, ma che tali beni devono essere tenuti "vivi" venendo collocati in una fitta rete di relazioni personali: solo questi legami, infatti, possono far sì che dall'antico nascano nuove e creative realizzazioni nell'ambito della cultura e del pensiero.	То, что мы то́лько что сказа́ли, я́сно пока́зывает, что он намерева́лся созда́ть бо́льше чем про́сто библиоте́ку/пинакоте́ку. Кардина́л Борромео ду́мал об Амброзиане как о **компле́ксном культу́рном прое́кте**, организо́ванном вокру́г руководя́щего при́нципа, согла́сно кото́рому необходи́мо не то́лько сохрани́ть и откры́ть пу́блике ру́кописи, кни́ги, карти́ны, ста́туи, но и что́бы э́ти объе́кты бы́ли сохранены́ «живы́ми», будучи помещены́ в пло́тную сеть ли́чных отноше́ний: то́лько э́ти свя́зи, по су́ти, мо́гут сде́лать так, что́бы от анти́чности рожда́лись но́вые тво́рческие достиже́ния в о́бласти культу́ры и мы́сли.

Relazioni personali, dialogo, conoscenza reciproca di persone appartenenti a differenti culture e tradizioni, la ricerca comune della Verità: questo è il cuore della missione dell'Ambrosiana, così come l'aveva intesa il Cardinal Federico affidandola alla cura del Collegio dei Dottori. Nell'antica sala di lettura dell'Ambrosiana, così come in altre stanze colme di scaffali e di libri, si può vedere un'impressionante serie di ritratti che corrono per tutta la lunghezza dei ballatoi e dei muri. Queste tele ritraggono gli autori delle opere custodite negli scaffali. Federico, infatti, desiderava che ogni utente della biblioteca, almeno idealmente, potesse alzare gli occhi dalle pagine per incontrare il volto dell'autore delle righe che stava leggendo: un modo assai concreto e intenso di affermare a chiunque che la cultura si basa sulla relazione, l'incontro e il dialogo tra esseri umani, anche quando la distanza tra di loro va misurata in secoli.	Обще́ние, диало́г, знако́мство с людьми́, принадлежа́щими к ра́зным культу́рам и тради́циям, о́бщий по́иск И́стины – э́то се́рдце ми́ссии Амброзианы, како́й её намерева́лся созда́ть кардина́л Федерико, поручи́в её Колле́гии Докторо́в. В стари́нном читательном за́але Амброзианы, а та́кже в други́х ко́мнатах, по́лных по́лок и книг, мо́жно уви́деть впечатля́ющую се́рию портре́тов, кото́рые разве́шены вдоль балко́нов и стен. На э́тих поло́тнах изображены́ а́вторы рабо́т, кото́рые храня́тся на полка́х Библиоте́ки. Федерико хоте́л, что́бы ка́ждый по́льзователь Библиоте́ки, по кра́йней ме́ре в идеа́ле, мог, оторва́в глаза́ от страни́ц кни́ги, встре́титься с лицо́м а́втора строк, кото́рые он чита́л: таки́м конкре́тным и си́льным приёмом он хоте́л доказа́ть, что культу́ра осно́вана на отноше́ниях, встре́че и диало́ге ме́жду людьми́, да́же когда́ расстоя́ние ме́жду ни́ми измеря́ется столе́тиями.
Questo è esattamente quanto è accaduto negli ultimi quattro secoli: l'Ambrosiana è stata un luogo di incontro privilegiato, che ha nutrito la vita culturale e personale di alcuni tra i più grandi pensatori e letterati italiani ed europei (ad esempio Muratori, Gibbon, Montesquieu, Foscolo, Stendhal, Byron, Leopardi, Manzoni, D'Annunzio e molti, molti altri).	И́менно так всё и происходи́ло в тече́нии после́дних четырёх веко́в: Амброзиана была́ привилегиро́ванным ме́стом встре́чи, кото́рое пита́ло культу́рную и ли́чную жизнь не́которых из велича́йших италья́нских и европе́йских мысли́телей и писа́телей (наприме́р, Муратори, Гиббо́на, Монтескье, Фосколо, Стендаля, Ба́йрона, Леопарди, Манзони, Д'Аннунцио и мно́гих, мно́гих други́х).
La Biblioteca	**Библиотека**
La Biblioteca Ambrosiana può essere collocata tra le più importanti biblioteche storiche del mondo, poiché conserva più di un milione di stampati (due terzi dei quali anteriori al secolo XIX), più di 36000 manoscritti in varie lingue (italiano, latino, greco antico, arabo, siriaco, etiopico, slavo ecclesiastico e altri), 12000 disegni (di Raffaello, Pisanello, Dürer, Leonardo e molti altri) ed altre inestimabili rarità (antiche mappe ed atlanti, incisioni, spartiti musicali, pergamene, papiri e oggettistica varia).	Амброзианскую Библиоте́ку мо́жно отнести́ к числу́ наибо́лее ва́жных истори́ческих библиоте́к ми́ра, так как в ней соде́ржатся бо́лее миллио́на печа́тных рабо́т (две тре́ти из кото́рых отно́сятся к пери́оду до XIX ве́ка), бо́лее 36000 ру́кописей на ра́зных языка́х (италья́нском, лати́нском, древнегре́ческом, ара́бском, сири́йском, эфио́пском, церко́вно-славя́нском и др.), 12000 рису́нков (Рафаэ́ля, Пизанелло, Дюрера, Леона́рдо и мно́гих други́х) и други́е бесце́нные раритеты (дре́вние ка́рты и а́тласы, грави́юры, музыка́льные партиту́ры, сви́тки, папи́русы и разли́чные предме́ты).

Tra i più importanti manoscritti possiamo ricordare: - il *Frammento Muratoriano*, un manoscritto del 145 d.C. nel quale si legge la più antica lista (Canone) dei libri che formano il Nuovo Testamento; - il *Virgilio Latino* appartenuto a Francesco Petrarca con una miniatura di Simone Martini, - il manoscritto con gli *Epigrammi* di Marziale copiato e annotato da Giovanni Boccaccio, - la *Glossa Ambrosiana*, un manoscritto miniato della *Divina Commedia* di Dante Alighieri copiato meno di 50 anni dopo la morte dell'autore e già corredato di un commentario latino al Poema, - l'*Ilias picta*, manoscritto miniato del V secolo, copiato e miniato ad Alessandria d'Egitto - il *Codice Atlantico* di Leonardo Da Vinci: la più grande collezione di disegni leonardeschi, dedicati soprattutto all'ingegneria, all'architettura, alle scienze e agli appunti per trattati, recentemente restaurato e digitalizzato ad altissima definizione.	Среди́ наибо́лее ва́жных рукописей мо́жем отме́тить: - Муратори́анский Фрагме́нт, ру́копись 145 г. н.э. в кото́ром мо́жно проче́сть са́мый дре́вний спи́сок (Кано́н) книг, составля́ющих Но́вый Заве́т; - изда́ние Вергилия, принадлежа́вшее Франче́ско Петрарке, с миниатю́рой Симонэ Марти́ни, - ру́копись с Эпигра́ммами Марциала, скопи́рованная и анноти́рованная Джованни Боккаччо, - Амброзианская Гло́сса, иллюстри́рованная ру́копись Божественной коме́дии Данте Алигьери, скопи́рованная ме́нее чем че́рез 50 лет по́сле сме́рти а́втора и уже́ сопровожда́емая лати́нским коммента́рием к поэ́ме, - фрагме́нты Илиады, ру́копись 5-го ве́ка, скопи́рованная и иллюстри́рованная в Александрии, Еги́пет - Атланти́ческий ко́декс Леона́рдо да Винчи: са́мая больша́я колле́кция рису́нков Леона́рдо, посвящённых пре́жде всего́ те́хнике, архитекту́ре, нау́ке и заме́ткам для тракта́тов, неда́вно восстано́вленный и оцифро́ванный до наивы́сшей чёткости.
La biblioteca è ricca soprattutto di testi di filosofia, teologia cristiana, islamica ed ebraica, letteratura antica e moderna, storia e architettura. L'Ambrosiana si presenta così come una sorta di "scrigno" che mostra quanto è stato prodotto nei secoli dagli uomini che si sono coinvolti nella ricerca della verità, ovunque e in ogni tempo, ma è pure testimone di ricerche nuove e inedite che produssero frutti davvero degni di nota. Bisogna, infatti, ricordare che proprio nel XVII secolo, in Ambrosiana, venne concepito e stampato un imponente dizionario arabo-latino in quattro volumi in-folio (1632), e il primo dizionario armeno-latino pubblicato in Occidente (1621).	Библиоте́ка осо́бенно бога́та филосо́фскими те́кстами, рабо́тами по христиа́нскому, исла́мскому и иуде́йскому богосло́вию, дре́вней и совреме́нной литерату́рой, кни́гами по исто́рии и архитекту́ре. Амброзиана представля́ет собо́й своего́ ро́да «сокро́вищницу», кото́рая храни́т то, что на протяже́нии веко́в создава́лось людьми́, иска́вшими и́стину повсю́ду и во все времена́, и та́кже свиде́тельствует о но́вых и неопублико́ванных иссле́дованиях, кото́рые уже́ принесли́ стоя́щие внима́ния плоды́. Сто́ит вспо́мнить, что и́менно в семна́дцатом ве́ке в Амброзиане был разрабо́тан и напеча́тан впечатля́ющий арабско-лати́нский слова́рь в четырёх тома́х (1632) и пе́рвый армяно-лати́нский слова́рь, опублико́ванный на За́паде (1621).
Un giudizio di Federico Borromeo a proposito di Leonardo	**Мнение Федерико Борромео о личности Леонардо**

Dal momento che la presenza in Ambrosiana di fogli manoscritti e quadri di Leonardo da Vinci è uno degli aspetti che più colpiscono e che, a volte, suscitano leggende e miti, mi sembra interessante comunicare che da parte nostra non condividiamo tutte le esagerazioni e i misteri che sono nati soprattutto dal secolo XIX a proposito di questo personaggio. Per noi ha un grande valore il giudizio che Federico offre a proposito della sua personalità complessiva. Nell'opera *De fabricatis olim Typis orbium Caelestium Libellus* (1628, cc. 34-38 Biblioteca Ambrosiana. Milano. cod. G 9 inf, n. 4), egli scrive:	По причи́не того́, что нали́чие в библиоте́ке ру́кописей и рису́нков Леона́рдо вызыва́ет большо́й интере́с, а поро́й да́же леге́нды и ми́фы, мне ка́жется ва́жным отме́тить, что с на́шей стороны́, мы не разделя́ем преувели́ченные и мисти́ческие тео́рии о его́ ли́чности, кото́рые на́чали появля́ться в основно́м с XIX ве́ка. Для нас име́ет огро́мную це́нность мне́ние, вы́сказанное Федерико по по́воду сло́жного хара́ктера Леона́рдо в его́ рабо́те De fabricatis olim Typis orbium Caelestium Libellus (1628, cc 34-38 Библиоте́ка Амброзиана, Мила́н, код G 9 inf, № 4), он пи́шет:
«E perché ci siamo abbattuti à parlare di Leonardo, ueram(en)te l'ingegno di lui fu merauiglioso. Ma è ancora cosa degna di merauiglia, che un tanto ingegno non troppo lodeuolm(en)te impiegasse le sue forze, ne con gran frutto, anzi inutilmente lo spendesse per la mag(gio)r parte del tempo, in cui si uisse, imperoche infino ai nostri giorni si sono conseruati diuersi suoi libri, e uolumi intieri, nei quali si ueggono descritte innumerabili cose, le quali esso esprimeua disegnando che si apparteneuano a diuerse inuentioni di macchine, le q(u)ali macchine da lui erano descritte come per farne, e per aprirsi la strada a diuerse inuentioni di cose diuersissime infra de loro. Ma queste inuentioni non erano poi ridotte al fine, ma iui solam(en)te erano espressi i primi pensieri delle cose, che esso uoleua ritrouare, et cosi esso poi le lasciaua imperfette, et in abbandono. Hora mentre che il buon Leonardo perdeua il tempo in questi capricci… passarono gl'anni, et la uita tutta passò perche esso dipinse poco, e non conobbe, ne il dono della natura, ne il dono di Dio, in cui esso era ueram(en)te eccellente. Però io non sarò mai satio di dire quello che altroue già io ho detto, che gl'huomini letterati deurebbeno conoscere se stessi, et se ciò fare non sanno, si stiano almeno al detto d'alcune persone loro amoreuoli, et giudiciose».	«Говоря́ о Леона́рдо, необходи́мо подчеркну́ть, что его́ изобрета́тельность была́ изуми́тельной. Но ещё одна́ вещь, досто́йная удивле́ния, э́то то, что тако́й вели́кий ге́ний испо́льзовал свои́ си́лы не о́чень похва́льно, с недоста́точно больши́ми результа́тами: действи́тельно, большу́ю часть свое́й жи́зни он тра́тил впусту́ю; в са́мом де́ле, вплоть до на́шего вре́мени бы́ли сохранены́ его́ кни́ги, и це́лые тома́, в кото́рых опи́сываются бесчи́сленные ве́щи, опи́санные путём их изображе́ния и кото́рые отсыла́ются к разли́чным изобрете́ниям маши́н. Маши́ны, приду́манные им, бы́ли опи́саны, что́бы созда́ть други́е изобрете́ния, кото́рые о́чень отлича́лись ме́жду собо́й. Но э́ти изобрете́ния не́ были пото́м завершены́, а в его́ блокно́тах бы́ли вы́ражены то́лько нача́льные мы́сли о тех вещах, кото́рые он хоте́л откры́ть, он не заверши́л их и, наконе́ц, совсе́м отказа́лся от них. В то вре́мя как добрый Леона́рдо теря́л своё вре́мя в э́тих капри́зах... прошли́ го́ды, и он провёл всю свою́ жизнь рису́я лишь вре́мя от вре́мени, Леона́рдо так и не по́нял ни дар приро́ды, ни дар Бо́жий, в кото́ром он был действи́тельно непревзойдённым. Поэ́тому я никогда́ не уста́ну говори́ть о том, что я уже́ когда́-то говори́л: что гра́мотные лю́ди должны́ позна́ть сами́х себя́, и е́сли они́ не зна́ют, как э́то сде́лать, пусть доверя́ют, по кра́йней ме́ре, сове́там не́которых разу́мных люде́й, кото́рые их лю́бят».
Molto interessante ci risulta questo giudizio del Cardinale, che coglie in una mancanza di tipo affet-	О́чень интере́сно сужде́ние кардина́ла, что всё э́то исхо́дит от не́которой тра́вмы в эмоциона́ль-

tivo e personale (sappiamo che Leonardo, figlio illegittimo di un notaio e di una contadina, ebbe come tratto distintivo della sua personalità per tutta la vita una difficoltà di relazione, che partiva da una invincibile ansia di riconoscimento) la ragione della scarsa capacità pratica di colui che oggi viene ritenuto – forse a torto e in modo eccessivo – il più grande genio di tutti i tempi. Di Leonardo da Vinci, come già abbiamo accennato, la Biblioteca Ambrosiana conserva nella Pinacoteca il *Ritratto di Musico*, unico ritratto maschile su tavola sopravvissuto fino ad oggi, e – custodita nel *caveau* blindato e a prova di esplosione nucleare – la più ampia raccolta di disegni esistente: il *Codice atlantico*, di 1119 fogli manoscritti autografi.	ной сфе́ре и сфе́ре ли́чных взаимоотноше́ний (мы зна́ем, что Леона́рдо, незаконнорождённый сын нота́риуса и крестья́нки, отлича́лся тем, что на протяже́нии всей свое́й жи́зни испы́тывал тру́дности в отноше́ниях, кото́рые вытека́ли из непоседи́мой жа́жды призна́ния). В э́том он ви́дел причи́ну ни́зкой практи́ческой плодотво́рности того́, кто сего́дня счита́ется - возмо́жно, оши́бочно и преувели́ченно - велича́йшим ге́нием всех времён. Из рабо́т Леона́рдо да Винчи, как мы уже́ упомина́ли, Амброзианская Библиоте́ка сохраня́ет в Пинакоте́ке **Портре́т музыка́нта**, еди́нственный мужско́й портре́т, вы́полненный на деревя́нной пане́ли сохрани́вшийся на сего́дняшний день, и - содержа́щаяся в бронирова́нном храни́лище на слу́чай я́дерного взры́ва - са́мая больша́я колле́кция существу́ющих рису́нков Леона́рдо: **Атланти́ческий ко́декс**, 1119 листо́в а́вторских ру́кописей.
L'Accademia	**Академия**
L'Accademia Ambrosiana è la moderna erede del progetto di Federico Borromeo in ordine alla circolazione e alla promozione di una cultura basata sull'incontro e sul dialogo non meno che sul rigore scientifico e filologico dei suoi membri. Le otto Classi di ricerca in cui è articolata sono dedicate agli Studi Greco-Latini, alla Patristica, alla Letteratura italiana, al Vicino Oriente (con le lingue ebraica, araba, siriaca, armena), al Lontano Oriente (con le lingue cinese, indiana, giapponese, coreana e con una sezione centroasiatica), agli studi su Carlo e Federico Borromeo e la loro epoca, agli Studi africani (con le lingue copta, etiopica e berbera) e alla Slavistica. Ogni classe, che comprende sia affermati docenti universitari da tutto il mondo, sia giovani studiosi particolarmente promettenti, ogni anno si dà un tema di studio dal quale scaturiscono un convegno internazionale e un volume miscellaneo di contributi di carattere scientifico.	Амброзианская акаде́мия явля́ется совреме́нным насле́дником прое́кта Федерико Борромео, и существу́ет с це́лью распростране́ния и продвиже́ния тради́ции, осно́ванной на встре́че и диало́ге культу́р и на стро́гом филологи́ческом и нау́чном подхо́де. Во́семь иссле́довательских отде́лов, на кото́рые она́ разделена́, посвящены́ изуче́нию греко-лати́нской тради́ции, патри́стике, италья́нской литерату́ре, Бли́жнему Восто́ку (с ивритом, ара́бским, сири́йским, армя́нским языка́ми), Да́льнему Восто́ку (с кита́йским, инди́йским, япо́нским, коре́йским языка́ми и центра́льно-азиа́тской се́кцией), иссле́дованиям эпо́хи Ка́рло и Федерико Борромео, африкани́стике (с ко́птским, эфио́пским и бербе́рским языка́ми) и слави́стике. В Ка́ждый отде́л вхо́дят как известные профессора́ со всего́ ми́ра, так и осо́бенно перспекти́вные молоды́е учёные. Ежего́дно акаде́мией выбира́ется те́ма иссле́дования, по кото́рой прово́дится междунаро́дная конфере́нция, и по́сле выпуска́ется сбо́рник со предста́вленными на ней нау́чными рабо́тами.

Nell'ambito dell'Accademia Ambrosiana sono attivi otto partenariati con Università di tutto il mondo: (1) con la St. Ambrose University di Davenport (Iowa, USA), (2) con l'Institute of Sino-Christian Studies di Hong Kong, (3) con l'Institute of Christianity and Cross-Cultural Studies della Zhejiang University di Hangzhou (RPC), (4) con il Saint Ephrem Ecumenical Research Institute (SEERI) di Kottayam (Kerala, India), (5) con l'Università Umanistica Ortodossa San Tichon di Mosca, (6) con il Kyujanggak Institute for Korean Studies della Repubblica di Corea, (7) con la National Academic Library of the Republic of Kazakhstan, (8) con l'Università Nazionale – Accademia Kievo-Moghiliana di Kiev (Ucraina), (9) con l'Università N. Karazin di Khar'kiv.	В ра́мках Амброзианской акаде́мии действи́тельны во́семь партнёрств с ВУЗами всего мира, между тем [(1) с Университе́том Свято́го Амвросия в Давенпорте (Айо́ва, США), (2) с Институ́том китайско-христиа́нских иссле́дований в Гонко́нге, (3) с Институ́том христиа́нства и межкульту́рных иссле́дований Университе́та Чжэцзян в Ханчжоу (КНР), (4) с Институ́том экумени́ческих иссле́дований Свято́го Эфрема (SEERI) в Коттайме (штат Керала, И́ндия), (5) с (6) с Институ́том коре́йских иссле́дований Респу́блики Коре́я, (7) с Национа́льной академи́ческой библиоте́кой Респу́блики Казахста́н,] (8) Национа́льный университе́т Киево-Могилянская акаде́мия г. Ки́ев (Украи́на) и Ха́рьковский национа́льный университе́т и́мени В. Н. Каразина.
Altri accordi in essere riguardano il Centro per lo studio dei manoscritti Slavo-Bizantini "Prof. Ivan Dujcev" - Università San Clemente di Ocrida - Sofia (Bulgaria) e l'Accademia delle Scienze della Repubblica del Tatarstan con sede a Kazan' (Federazione Russa). Con il Network internazionale "Pax Byzantino-Slava" (con sede a Niš, in Serbia) è stato firmato l'atto di fondazione che ci vede soci fondatori (Accademia Ambrosiana- Classe di Slavistica).	Други́е договорённости каса́ются Це́нтра изуче́ния славяно-византи́йских ру́кописей «Проф. Ива́на Дуйчева» - Университе́та "Свято́го Климента Охридского" - Софи́я (Болга́рия) и Акаде́мии нау́к Респу́блики Татарста́н, в Каза́ни (Росси́йская Федера́ция). С Междунаро́дной се́тью «Pax Byzantino-Slava» (бази́рующейся в Ни́ше, Се́рбия) учреди́тельный догово́р был подпи́сан чле́нами-учреди́телями (Акаде́мия Амброзиана – Класс Слави́стики).
Siamo fermamente convinti che lo studio del passato e dell'eredità culturale conservata in Ambrosiana sia il modo migliore di contribuire oggi al progresso della civiltà e delle singole persone, la cui capacità di desiderare e cercare con intelligenza e amore la Verità e la Bellezza rimane il primo e fondamentale motore per lo sviluppo dell'umanità. Servire questo cammino di crescita nel sapere e nella dignità umana, che vede la progressiva liberazione dall'errore e dall'ignoranza grazie al fascino della Bellezza e della Verità, è per noi anche il modo di onorare al meglio il nostro patrono sant'Ambrogio e la Tradizione Cristiana a cui apparteniamo attraverso la Chiesa di Milano.	Мы твёрдо убеждены́ в том, что изуче́ние культу́рного насле́дия про́шлого, сохрани́вшегося в Амброзиане, э́то лу́чший спо́соб внести́ вклад в разви́тие как цивилиза́ции в це́лом, так и и отде́льных люде́й, поско́льку их стремле́ние к по́иску И́стины и Красоты́ ра́зумом и любо́вью остаётся пе́рвым и основополага́ющим дви́гателем разви́тия челове́чества. На́ше служе́ние позна́нию и челове́ческому досто́инству, состоя́щее в неуста́нной борьбе́ с неве́жеством и оши́бками си́лой Красоты́ и И́стины, явля́ется для нас наилу́чшим спо́собом почтить на́шего покрови́теля Свято́го Амвросия и христиа́нскую тради́цию, к кото́рой мы себя́ отно́сим посре́дничеством Миланской це́ркви.
Siamo fieri, per questo, di essere gli eredi della fede e dell'apertura mentale di un Cardinale del diciassettesimo secolo che non temette di rendere disponibili a tutti i libri che aveva raccolto, considerando questo un gesto di carità intellettuale non meno legato al suo compito di pastore della carità materiale verso i poveri, che pure non mancò mai di esercitare.	Поэ́тому мы горди́мся тем, что явля́емся насле́дниками ве́ры и открытости ра́зума кардина́ла семна́дцатого ве́ка, кото́рый не побоя́лся предоста́вить в о́бщий до́ступ кни́ги, кото́рые он собра́л, рассма́тривая э́тот жест, как вид интеллектуа́льной благотвори́тельности, свя́занной с его́ обя́занностью в ка́честве па́стора, кото́рая заключа́лась в милосе́рдии к бе́дным, кото́рое он всегда́ проявля́л.
E di una simile carità intellettuale, riteniamo che oggi ci sia un infinito bisogno.	Мы счита́ем, что и сего́дня суще́ствует огро́мная потре́бность в такой интеллектуа́льной благотвори́тельности.

Questo era il convincimento di Federico Borromeo, e noi siamo lieti di poterlo condividere con tutti gli amici della Bellezza, della Verità e del Bene.	Э́то было убежде́ние Федерико Борромео, и мы ра́ды, что мо́жем подели́ться со все́ми друзья́ми благо́й ве́стью Красоты́ и И́стины.
Grazie.	Спасибо.
Mons. Francesco Braschi	Монсеньор Франческо Браски
Dottore dell'Ambrosiana	*Доктор Амброзианы*
Direttore della Classe di Slavistica dell'Accademia Ambrosiana	*Директор Класса Славистики в Академии Амброзиана*